

Линь Юэюэ позже написала об этом дне дневниковую запись на пять страниц. Не заметки, а именно дневник — впервые с момента обмена телами она начала текст со слов: «Дорогой дневник». Первый абзац гласил:

«Дорогой дневник: сегодня, став Су Синьхао, я впервые почувствовала, что быть девушкой — это право, которое можно отстаивать с гордо поднятой головой. Хотя я нахожусь в теле парня, но когда он надел то белое платье, длинный парик и встал перед зеркалом, я внезапно поняла — вот это я. Не Линь Юэюэ и не Су Синьхао, а некое существо между ними, которое еще не получило своего определения. И сегодня это существо увидели все».

В конце абзаца она нарисовала кривое сердечко, но посчитала это слишком детским и закрасила его черным квадратом. Затем она заперла дневник в папку, паролем для которой послужили даты рождения Чжу Чжисиня и Су Синьхао, идущие вперемешку.

Все началось на второй день съемок реалити-шоу группы.

Сестра Ли прислала график съемок третьего клипа из нового альбома в час ночи. Клип был сюжетным, и участники должны были примерить на себя разные роли. Чжан Цзи играл рок-музыканта, Чжан Цзюй — художника, Цзо Хан — фотографа, а Чжу Чжисинь — владельца книжного магазина. Напротив роли Су Синьхао значилось лишь два иероглифа: «женский образ».

Линь Юэюэ смотрела на эти два слова добрых тридцать секунд, а затем отправила сообщение Су Синьхао.

□Су Синьхао: Ты видела?□

□Линь Юэюэ: Видела.□

□Су Синьхао: Ты знала об этом заранее?□

□Линь Юэюэ: Да. Режиссерская группа упоминала об этом в прошлом месяце. Сказали, что для клипа нужен «женский персонаж, который сразит всех с первого взгляда», и спросили, не соглашусь ли я на женскую роль. Я тогда дала согласие.□

□Су Синьхао: Ты дала согласие.□

□Линь Юэюэ: Да. Потому что клип — это произведение искусства, а для него я сделаю все, что потребуется. Это моя работа.□

□Су Синьхао: А ты подумала о том, что ты сейчас не в своем теле, что я в твоём теле, и что носить женскую одежду придется мне?□

□Линь Юэюэ: Подумала.□

□Су Синьхао: И все равно не сказала мне.□

□Линь Юэюэ: Потому что я знала — ты справишься. Ты даже с моей жизнью справляешься,

подумаешь, платье надеть.□

□Су Синьхао: Подумаешь, платье надеть. Легко тебе говорить.□

□Линь Юэюэ: Если не хочешь, я попрошу сестру Ли отменить. Скажем, что со здоровьем проблемы.□

□Су Синьхао: Не нужно. Ты только что сказала: «Для произведения я сделаю все, что потребуется» — это твой рабочий настрой. Сейчас я работаю за тебя, значит, твой настрой — мой настрой.□

□Линь Юэюэ: То есть ты согласен?□

□Су Синьхао: Я не говорил, что согласен. Я сказал — это моя работа.□

Линь Юэюэ смотрела на эти строки, и ей вдруг стало смешно. Су Синьхао даже при компромиссе умудряется проявлять упрямство. Он ведь мог отказаться, у него были все основания, чтобы соскочить, но вместо «я согласен» он выбрал «это моя работа». Казалось, стоит лишь классифицировать что-то как работу, как он становится способен вынести любые нелепые требования. Она вдруг поняла, почему он смог пробыть от стажера до сегодняшнего дня — не из-за таланта, а из-за этой стойкости, превращающей все абсурдное в «рабочую необходимость».

Съемки проходили на киностудии в пригороде. Гримерная располагалась во временном павильоне, сплошь уставленном зеркалами при ярком свете ламп. Когда стилист увидела Линь Юэюэ, ее глаза загорелись — этот взгляд, полный восторга из серии «наконец-то я дождалась», напомнил ей саму себя, когда она стояла в очереди на автограф-сессию.

— Учитель Су, ваш персонаж — девушка из картины, классическая красавица, которая будто сошла с полотна, — объясняла стилист, снимая с вешалки белое платье. — Поэтому стиль должен быть мягким, сказочным, с налетом неземной легкости. У вас тонкокостная фигура, узкие плечи и высокая талия, должно подойти идеально.

Линь Юэюэ смотрела на платье. Белое, длинное, из сочетания легкого шифона и сатина, пышная юбка, но при этом без излишеств, а на талии — изящный жемчужный пояс, который мягко мерцал в свете ламп. V-образный вырез не был слишком глубоким, как раз обнажал ключицы. Невероятно красивое платье; купи она его сама, вряд ли решилась бы надеть.

— Это парик, — стилист протянула длинный шиньон. Темно-каштановый, гладкий, как водопад, длиной до пояса, с естественными мягкими завитками на концах и легкой, почти воздушной челкой.

Линь Юэюэ взяла вещи и вошла в примерочную. В тот момент, когда задернулась штора, она глубоко вдохнула. Сначала парик. Она аккуратно уложила свои короткие волосы, надела сетку, затем натянула парик, поправила линию роста волос и расческой уложила челку. Качество парика оказалось выше ожидаемого — он выглядел совершенно естественно. Она взглянула в маленькое зеркало в примерочной — и замерла.

В зеркале отражался человек, которого она знала, но не до конца. Черты лица Су Синьхао сами по себе были изящными: надбровные дуги высокие, но не грубые, нос прямой, губы тонкие, но с мягким изгибом. Теперь, обрамленное длинными волосами, его лицо утратило маску «участника бойз-бэнда», и наружу вырвалась мягкая женственность. Он не «похож на девушку», он выглядел как очень красивая девушка. Причем не ярко накрашенная, а чисто, холодно и нежно, как первый утренний луч солнца на поверхности озера.

Линь Юэюэ долго разглядывала лицо в зеркале. Затем опустила взгляд и начала надевать платье. Оно выглядело простым, но оказалось капризным: потайная молния сбоку, перекрестные завязки на спине. Пришлось вывернуть его, застегнуть, а потом перекручивать обратно. Затем жемчужный пояс, подчеркнувший тонкую талию. Юбка оказалась длиннее, чем она думала, пришлось приподнять ее, чтобы сделать шаг.

Полностью одевшись, она не стала сразу выходить, а встала перед зеркалом в полный рост. Белое платье, жемчуг, темно-каштановые волосы, знакомые и в то же время чужие глаза. Она сделала шаг. Юбка колыхнулась, как круги на воде. Повернулась — волосы и подол платья описали дугу, в воздухе разнесся легкий аромат ткани. Она улыбнулась. Человек в зеркале улыбнулся в ответ — мягко, с легким прищуром. Эта улыбка не принадлежала ни Су Синьхао, ни Линь Юэюэ — это был кто-то, у кого еще не было имени.

Стоя перед зеркалом, Линь Юэюэ вдруг почувствовала ком в горле. Не от грусти — это была болезненная сладость от долгого подавления, которое наконец нашло выход. С самого дня обмена она каждый день училась быть кем-то другим. Училась его походке, его речи, его манере выражать сложные мысли максимально кратко. Она почти забыла, каково это — быть девушкой: свободу носить платье, иметь длинные волосы и смеяться, не контролируя разрез глаз. Но сейчас, в этом не своем теле, она вновь обрела эту свободу. Абсурдно? Конечно. Но в этом абсурде чувствовалась истина, от которой хотелось плакать и смеяться одновременно.

Она глубоко вдохнула, напрягла пресс, как учил Су Синьхао, расправила плечи и отодвинула штору.

В гримерной воцарилась тишина секунды на три.

Стилист застыла с кистью для макияжа в руке. У помощницы выпала пуховка. Сестра Ли, только что вошедшая в комнату, замерла в дверях, едва не уронив портфель. Затем появился Чжан Цзи. Он проходил мимо, глядя в телефон, но боковым зрением уловил фигуру «Су Синьхао» и невольно поднял голову. Он застыл, словно нажали на кнопку паузы. Телефон выскользнул из рук и упал ему на ногу. Ему было больно, он морщился, но взгляд не отрывал от Линь Юэюэ.

— Су Синьхао?! — голос Чжан Цзи подскочил на две октавы, сорвался на визг. — Ты, ты, ты — это Су Синьхао?!

Линь Юэюэ стояла в центре гримерной под прицелом всех взглядов. Она хотела сказать: «Да, это я», но не успела — на крик прибежали Чжан Цзэюй и Цзо Хан. Чжан Цзэюй держал кофе,

и, увидев её, наклонил стакан — половина пролилась на туфли Цзо Хана, но никто из них даже не посмотрел вниз.

Выражение лица Цзо Хана можно было описать двумя словами: «зрачки дрожат». «Это что, мать его, Су Синьхао?» — выпалил он, а осознав, что ругается под прицелом камер, тут же прикрыл рот, вытаращив глаза еще сильнее.

Линь Юэюэ стало смешно. Они видели Су Синьхао тысячи раз — с разным цветом волос, в разной сценической одежде, с разным гримом, но таким они его не видели никогда. Не крутым, не холодным, не «человеческим метрономом» со сцены, а тихой красивой девушкой, стоящей в центре гримерной в белом платье. Она не позировала, просто стояла, и именно эта естественность была куда эффектнее любого образа.

— Стилист попросила меня примерить, — сказала она. Голос был Су Синьхао, но интонация — ее собственная, с легкой неловкостью и смущением. — Вы можете не пялиться на меня?

— Не можем, — отрезал Чжан Цзи, подбирая телефон и включая камеру. — Встань ровно, дай сфоткаю. Выложу в соцсети. Пусть весь мир увидит, как выглядит мой напарник.

— Посмей только! — Линь Юэюэ потянулась отобрать телефон и едва не запуталась в подоле. Она качнулась, инстинктивно ухватившись за гримерный столик. Длинные волосы упали на грудь, закрыв половину лица. Это было чисто девичье движение: мизинец слегка оттопырен, вторая рука придерживает волосы. Она сама не заметила этого, но заметили все присутствующие.

— Слушай, — голос Цзо Хана звучал ошарашенно. — Как у тебя выходит даже спотыкаться по-девчачьи?

Сердце Линь Юэюэ пропустило удар. То, как она оперлась на стол, как поправила волосы — это привычки Линь Юэюэ, а не Су Синьхао. К счастью, все внимание было приковано к ее внешности, и никому не пришло в голову заподозрить подмену душ. В конце концов, «Су Синьхао слишком естественно смотрится в женском» — гораздо более правдоподобное объяснение.

Стилист наконец оправилась от шока и подошла поправить детали платья. Линь Юэюэ послушно замерла, заметив боковым зрением еще одного человека, который молчал — Чжу Чжисиня.

Он стоял снаружи, прислонившись к дверному косяку, скрестив руки на груди. Как и всегда, когда она была на грани разоблачения, он не вмешивался, не комментировал, не глазел. Но в отличие от остальных, его глаза не были широко распахнуты, он не пытался судорожно достать телефон. Он просто смотрел на нее, лицо его было спокойным, будто он ожидал увидеть нечто подобное. И когда их взгляды встретились, он едва заметно кивнул. Так легко, что только она могла заметить. Этот кивок означал: «Ты справишься».

Линь Юэюэ не знала почему, но от этого крошечного кивка Чжу Чжисиня сердце забилося сильнее, чем от криков Чжан Цзи или ошарашенного вида Цзо Хана. Она опустила голову, имитируя поправление челки, чтобы скрыть взгляд.

Съемки клипа начались.

Первая сцена — «Пробуждение в картине». Линь Юэюэ лежала на боку на кровати-реквизите, белое платье вокруг неё распустилось, как перевернутая лилия. Мягкий свет под углом сорок пять градусов делал ее очертания нежными и размытыми. Режиссер командовал из-за монитора: «Мне нужен не Су Синьхао, мне нужна героиня картины. Ты сошла с холста, долго спала, а теперь медленно открываешь глаза. Да, ресницы опущены, не открывай их сразу — отлично, именно это состояние!»

Линь Юэюэ медленно открыла глаза. Камера наехала, и сквозь щелочки ресниц она увидела отражение в объективе — нет, отражение Су Синьхао. Он в белом платье лежит в мягком свете, длинные волосы рассыпались по белой подушке, губы слегка приоткрыты, тени от ресниц ложатся на лицо.

Режиссер остался доволен и скомандовал переход ко второй сцене — «Прогулка». Линь Юэюэ босиком ступала по искусственной траве, шлейф платья тянулся следом. Перед началом она трижды глубоко вздохнула и сделала первый шаг. Это была не походка Су Синьхао, чей шаг стал короче, и не походка Линь Юэюэ — ее корпус был напряжен сильнее. Это была новая походка, продиктованная телом, платьем и волосами: легкая, летящая, с налетом неземного отчуждения. Подол колыбался, ветер из вентилятора шевелил пряди волос, она дошла до точки и оглянулась на камеру. Этот жест она добавила от себя — режиссер не просил, но ей казалось, что героиня картины должна оглянуться, если ее что-то привлекло извне. Волосы описали дугу, белое платье еще слегка покачивалось, ее профиль идеально лег в световое пятно, линия челюсти и шеи казались выписанными тонкой кистью.

— Снято! — голос режиссера изменился. — Этот дубль идеален! Су Синьхао, ты что, тайно учился актерскому мастерству?!

Линь Юэюэ вышла из образа и смутилась от похвалы. Она видела, как Чжан Цзи неистово щелкает камерой, вспышки сверкали без остановки. Чжан Цзэюй допил кофе, но забыл опустить стакан и так и стоял с ним, глядя на нее. Цзо Хан надел очки, словно заново изучая товарища, которого, как ему казалось, знал много лет. А Чжу Чжисинь — он сидел на складном стуле рядом с режиссером, держал в руке бутылку воды. Он не фотографировал, не кричал, не проронил ни слова. Но Линь Юэюэ заметила, что он не сделал ни глотка. Крышка была даже не откручена. Его взгляд был прикован к ней с того самого момента, как она ступила на «траву», и до того, как она оглянулась на ветру.

Третья сцена — общая. Пять персонажей пересекаются в одном месте: героиня Линь Юэюэ должна пройти мимо книжного магазина и встретиться взглядом с хозяином — Чжу Чжисинем. Замысел режиссера: девушка из картины проходит мимо, владелец магазина поднимает голову, они встречаются взглядами через стекло витрины. Одна сошла с холста, другой хранит старые книги. Одно мгновение — и целая вечность, предопределенность.

Линь Юэюэ стояла снаружи, глядя через стекло, как Чжу Чжисинь сидит за столом с раскрытой книгой, опустив голову. Режиссер скомандовал «А», Чжу Чжисинь поднял голову, и его взгляд встретился с ее лицом. Он не впервые смотрел на нее так — со дня автограф-сессии он видел ее в сотнях ситуаций: в отражении зеркала, на диване в комнате отдыха, под зонтом в дождь. Но сейчас все было иначе. Сейчас он смотрел не на «Линь Юэюэ в теле Су Синьхао», он смотрел на «героиню картины». Но эта героиня была ею.

Она смотрела в глаза Чжу Чжисиня через стекло. Закатный свет окрашивал половину его лица в теплые тона. Его взгляд был тихим — без попыток что-то рассмотреть или испытать, глубокий и медленный, словно он читал книгу, которую не хотел дочитывать до конца. Она вспомнила вчерашнюю переписку Су Синьхао и Чжу Чжисиня. Чжу Чжисинь написал: «Когда она вернется в свое тело, передай ей от меня. Скажи, что ее Су Синьхао — лучшая версия, что я видел». Тогда, прочитав это, она так заволновалась, что перевернула телефон экраном вниз. И сейчас, через стекло, этот взгляд убедил ее, что он говорил не только об «игре Су Синьхао», но и о «героине картины», и о «ней в белом платье».

Режиссер за монитором восхищенно охнул: «Этот взгляд — то, что нужно! Чжу Чжисинь, этот твой взгляд — будто ты смотришь на нечто прекрасное, но знаешь, что оно тебе не принадлежит; одновременно тяга и сдержанность. Су Синьхао, ты тоже — в твоем взгляде любопытство без тепла, непонимание мира героиней. Сквозь стекло, пересечение взглядов — химия просто взрывная! Дубль в копилку! Еще один, крупный план!»

Съемки закончились в десять вечера. Линь Юэюэ вернулась в гримерную, села перед зеркалом и начала снимать парик, стирая грим. Лицо Су Синьхао постепенно появлялось из-под макияжа — острые брови, глаза с поволокой, прямой нос, тонкие губы. Она смотрела на свое отражение и вдруг почувствовала непривычность. Весь день она была той «девушкой из картины». Никто не увидел фальши, все были поражены — включая ее саму. Она посмотрела на белое платье на вешалке — жемчужный пояс все еще мягко мерцал.

Телефон завибрировал. Сообщение от Су Синьхао.

□Линь Юэюэ: Говорят, сегодня твой женский образ затмил всю группу.□

□Су Синьхао: Кто говорит?□

□Линь Юэюэ: Чжан Цзи выложил в соцсети девять твоих фото с подписью: «Мой напарник не может быть таким красивым». Цзо Хан прислал в группу тридцать сообщений, в каждом по три восклицательных знака. А Чжу Чжисинь... он ничего не выложил, но написал мне в личку.□

Пальцы Линь Юэюэ замерли над экраном, сердце забилося быстрее.

□Су Синьхао: Что он написал?□

□Линь Юэюэ: Он сказал: «Ты в этом платье сегодня выглядела совсем не так, как я себе представлял».□

□Су Синьхао: Он имел в виду «меня» или «моего персонажа»?□

□Линь Юэюэ: Он не уточнил.□

□Су Синьхао: Значит, и то, и другое.□

□Линь Юэюэ: Ты самоуверен.□

□Су Синьхао: Это не самоуверенность. Когда я смотрел на него через стекло витрины, его взгляд сказал мне все. Он смотрел не на героиню и не на Су Синьхао. Он смотрел на...□

□Линь Юэюэ: На кого?□

□Су Синьхао: На человека, которого он знает, но не до конца; который знаком, но в то же время чужд; к которому он хочет подойти, но не уверен, стоит ли.□

□Линь Юэюэ: Раз ты так подробно описываешь, ты что, тоже так на него смотрел?□

□Су Синьхао: Я не носил платьев.□

□Линь Юэюэ: Ты же знаешь, что я не про платье.□

Линь Юэюэ смотрела на текст, не отвечая. Она положила телефон на столик, встала и сняла белое платье с вешалки, аккуратно сложила и убрала в свою сумку. Не в сумку группы, а в сумку Су Синьхао. Она сама не знала, почему хочет забрать его. Режиссер не дарил, стилист не оставляла, но она хотела его унести. Может, потому что в этом платье она впервые почувствовала свободу быть собой в теле Су Синьхао. А может, потому что это платье было свидетелем того взгляда через стекло — того самого, от которого сердце едва не остановилось.

Она накинула сумку и вышла из гримерной. Коридор был почти погружен во тьму, горел лишь зеленый свет указателя выхода. Чжу Чжисинь прислонился к стене в конце коридора, все с той же нераспечатанной бутылкой воды. Он уже смыл грим и переоделся, натянув капюшон низко на лицо. Услышав шаги, он поднял голову.

— Закончили? — спросил он.

— Угу.

— Пойдем, машина ждет.

Линь Юэюэ последовала за ним. На парковке она вдруг остановилась. Чжу Чжисинь обернулся. Ночной ветер ворвался на парковку, взъерошив пряди ее волос.

— Тот момент, когда мы встретились взглядами, — произнесла она, чувствуя сухость в горле. — Режиссер сказал, химия была отличная. А ты что думаешь?

Чжу Чжисинь молчал две секунды. Ветер слегка раздувал его толстовку.

— Я думаю, — сказал он, — что некоторую химию невозможно сыграть.

Он развернулся и зашагал к минивэну, не быстрым и не медленным шагом. Свет ламп парковки превратил его фигуру в изящный силуэт. Линь Юэюэ стояла на месте, а сердце выбивало беспорядочный ритм. Она покрепче перехватила ремень сумки. Белое платье внутри слегка зашуршало, будто пытаясь сказать за нее то, к чему она еще не была готова.

<http://bllate.org/book/20903/2113185>